

Селюнина О. А.

МНОГОЧЛЕННОЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ОТНОШЕНИЯМИ СМЫСЛОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ СОПОДЧИНЕННЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ ЧАСТЯМИ В АСПЕКТЕ КОНСТРУКЦИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/57.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 134-137. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Бахтина, хронотоп - это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений» [Бахтин 2000: 264].

Что касается категории континуума как категории текста, то она представляет собой особое художественное осмысление времени и пространства объективной действительности. Именно эта категория обеспечивает конкретность и реалистичность описания. Эта категория имеет текстовую природу, потому что воплощается в целостном тексте: осуществляя изображение течения времени в изменяющемся пространстве.

Таким образом, континуум как особая категория художественного текста играет исключительно важную роль в организации его содержания и отображения знаний автора об устройстве мира.

Однако каждая языковая личность создает свой индивидуальный образ мира. Так автор произведения как творческая языковая личность выстраивает в своем произведении субъективную модель картины мира. Сложный художественный текст насыщен множественностью смыслов, так как текст создан другой языковой личностью. Иными словами, автор, создавая свое произведение, соотносит с книгой свои собственные переживания (мысли, чувства, образы), проецирует на нее систему своих личностных смыслов, т.е. личное отношение субъекта к миру, фиксирующееся в субъективных значениях. В свою очередь читатель в процессе чтения, как воспринимающая языковая личность становится участником субъективно-объективных отношений, так как, воспринимая ту или иную информацию, читатель не только «понимает» ее, но и дополняет, исходя из знаний реальной ситуации, жизненного опыта, филологического чутья.

Для полноценного восприятия и понимания текста необходимо адекватное или близкое к авторскому «языковое чутье», умение проникать в художественную ткань произведения. Мы в праве говорить о высокой степени адекватности понимания художественного текста, если в процессе его восприятия происходит совмещение авторского и читательского «тезаурусов».

Тезаурус включает в себя и систему знаний о мире, и собственно лексический запас, словарь, фиксирующий смысловое сходство между понятиями. Однако и при совпадении основных тезаурусных центров неизбежны расхождения, что приводит к неоднозначности понимания текста. Такая неоднозначность связана с природой художественного текста, его многогранностью, и с различием кодов читателей и писателя, которые по-разному могут воспринимать ту или иную информацию, восполняя недосказанное, а также с теми социально-культурными, историческими и языковыми изменениями, через которые проходят литературные произведения на пути к читателю. Уже тот факт, что литературные произведения возникают в определенной социальной среде, в определенной исторической обстановке и имеют своих сверстников и предшественников, в свете которых они, конечно, только и могут быть поняты [Щерба 1957], предполагает субъективность, связанную с наличием или отсутствием необходимого пресуппозитивного компонента у читателя. Не может быть полного тождества в восприятии текстов и у носителей различных языковых культур (как бы хорошо не был осуществлен перевод), поскольку различия между языками в грамматических формах не ограничиваются материальными средствами образования этих форм. Но касаются их семантики, проявляясь также в различии форм выражения мыслей.

На основе всего выше сказанного можно сделать следующий вывод: рецептивной языковой личностью является любой человек, который живет в мире, воспринимает его, пропуская через призму собственных взглядов, через свое мировоззрение, культурные ценности.

Рецептивная языковая личность неразрывно связана с процессами восприятия и отражения картины мира, которая является совокупностью всех знаний человека о мире. Картины мира бывают как универсальные общечеловеческие, так и индивидуально-художественные.

Субъективность восприятия и отражения каждой языковой личности обеспечивает отличие каждой индивидуальной картины мира.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Эпос и роман. - М., 2000.
2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М., 1975.
3. Щерба Л. В. Избранные труды по русскому языку. - Л., 1957.

МНОГОЧЛЕННОЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ОТНОШЕНИЯМИ СМЫСЛОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ СОПОДЧИНЕННЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ ЧАСТЯМИ В АСПЕКТЕ КОНСТРУКЦИИ

Селюнина О. А.

Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия

Объектом исследования в данной статье являются построения, состоящие минимум из трех предикативных единиц: главной и двух придаточных, связь между главной и придаточными оформляется при помощи подчинительных союзов или союзных слов, в выражении отношений между придаточными участвуют сочинительный союз и релятивы типа *поэтому, следовательно, значит, однако, между тем, зато* и под. Например: *Левин сказал, что французы довели условность в искусстве как никто и что поэтому они особенную заслугу видят в возвращении к реализму* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина); *Я помню, как он меня мучил и как я, однако, любил его* (Ю. Трифонов. Дом на набережной); *И непременно не одного его обыскать, а и меня, и*

Ванскок, понимаете, **чтоб** он не видал нить интриги, **но чтобы зато** была видна нить хода бумаг (Н. С. Лесков. На ножах); *Это французский поэт Климент Маро, которого вы вот не знаете, а которого между тем согнившие в земле поколения наизусть твердили* (Н. С. Лесков. На ножах).

Мы ставим перед собой цель рассмотреть устройство такого рода построений в аспекте синтаксической конструкции, поскольку проблема их статуса до сих пор не решена и, на наш взгляд, не может быть однозначно решена в аспекте предложения. С одной стороны, указанные построения имеют сходство с многочленными сложноподчиненными предложениями с однородным соподчинением придаточных, поскольку их придаточные части зависят от общего третьего и синтаксически связаны между собой. С другой стороны, между соподчиненными частями устанавливаются отношения смысловой зависимости, что, во-первых, свидетельствует не в пользу однородности придаточных, и, во-вторых, сближает эти построения с многочленными сложноподчиненными предложениями с последовательным подчинением. Между тем отношения зависимости в них выражены не подчинительными союзами, и это не дает возможности отнести данные единицы к многочленам с последовательным подчинением.

Надо отметить, что исследуемые построения практически не попадали в поле зрения ученых. Ценной работой в плане их анализа является статья Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной [Колосова, Черемисина 2000], в которой был обнаружен принцип организации данных предложений. Авторы считают, что это принцип «вторичной связи».

Само понятие «вторичная союзная связь» было введено в научный оборот А. Ф. Прияткиной, которая под вторичной союзной связью понимает такую связь, когда «союз выражает отношения между словами, уже вступившими в сочетание посредством словоформ» [Прияткина 1970: 41]. А. Ф. Прияткина считает, что конструкция с вторичной связью имеет важный принцип формальной организации - двухуровневое синтаксическое строение. Его суть состоит в том, что синтаксические отношения и связи в некоем построении принадлежат разным уровням: уровню словоформ (первый, низший, уровень) и собственно синтаксическому уровню (второй, более высокий, уровень). Не все союзные конструкции имеют такое двухуровневое строение. Оно характерно для конструкций, которые строятся на базе слов (или словоформ), то есть для построений, компоненты которых имеют непредикативный характер и представляют собой словосочетание, сочетание слов, сочетание предикативной основы предложения с детерминантом. Между компонентами такого базового построения связь оформляется морфологически. Она может быть присловной (согласование, управление, примыкание) и неприсловной (предикативная связь, двунаправленная связь, связь детерминанта).

Принцип двухуровневых структур в том смысле, который вкладывает в него А. Ф. Прияткина, в исследуемых конструкциях не действует. Между тем, на наш взгляд, кажется совершенно справедливой идея М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой о наличии вторичной связи в анализируемых построениях, поскольку их вторая (вторичная) линия связей строится на базе первичной формальной основы, представляющей собой синтаксически оформленное построение (базовое построение).

Базовое построение обнаруживается путем элиминации из конструкции показателя вторичной связи. Так, для конструкции с вторичной связью *Я сухо ответил ему, что у меня очень мало денег и что, следовательно, я не могу слишком заметно проиграться...* (Ф. М. Достоевский. Игрок) базовым построением является *Я сухо ответил ему, что у меня очень мало денег и что я не могу слишком заметно проиграться*. В аспекте синтаксических единиц данное базовое построение квалифицируется как многочленное сложное предложение с однородным соподчинением придаточных частей, в аспекте синтаксических конструкций представляет собою *ряд*.

Теория «ряда» разработана А. Ф. Прияткиной [Прияткина 1985] на материале монопредикативных предложений. Сам термин «ряд» понимается ученым как относящийся к синтаксису конструкций, а не к синтаксису предложения, несмотря на то что многие грамматики используют этот термин для номинации одного из способов распространения простого предложения, а также для обозначения структуры сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений. Согласно А. Ф. Прияткиной, *ряд* - это синтаксическая конструкция, представляющая собой два или несколько компонентов, которые формально не зависят друг от друга, связаны между собой союзом, другим служебным словом или только интонацией, относятся к общему для них «третьему» члену.

По нашим наблюдениям, конструкция *ряд* может строиться не только на базе словоформ в рамках монопредикативной единицы, но и на базе предикативных единиц в рамках полипредикативной единицы. В последнем случае предикативные единицы относятся к общему для них члену, связаны между собой, но формально не зависят друг от друга (параллельные члены), что выражается в отсутствии подчинительной связи между ними.

Следует подчеркнуть тот факт, что подчинительные союзы невозможны только между параллельными членами предикативного ряда, в то время как они могут оформлять отношения между членами непредикативного ряда. В качестве иллюстрации приведем известный пример А. М. Пешковского: *молодой режиссер Евг. Петров пробует свои силы на труднейшем, потому что новом, мало испытанном в кино материале* (Правда 1927, от 25/V) [Пешковский 1956: 468]. Конечно, такие построения не являются идеальным рядом и расцениваются как его модификация [Прияткина 1985], а подобное употребление подчинительного союза не является частотным, но оно возможно, потому что параллелизм и подчинение не исключают друг друга, если оформляются на разных уровнях: параллелизм - на уровне словоформ, подчинение - на уровне союза. Отсутствие уровня словоформ у предикативного ряда делает невозможным функционирование в нем подчини-

тельного союза. Если в качестве эксперимента заменить сочинительный союз, оформляющий внутрирядные отношения, подчинительным, предикативный ряд будет разрушен. Ср.: *Скажите, что мы в отчаянном положении и что нам нужна его помощь* (Б. Акунин. Коронация) и *Скажите, что мы в отчаянном положении, так что нам нужна его помощь*.

Несмотря на невозможность употребления подчинительных союзов в предикативном ряду, отношения обусловленности между его членами могут быть оформлены специальным линейным показателем, который как бы накладывается на сочинительную связь, не отменяя ее и не разрушая базового построения. Ср.: *Скажите, что мы в отчаянном положении и что поэтому нам нужна его помощь*. Если сравнить данный трансформ с исходным построением *Скажите, что мы в отчаянном положении и что нам нужна его помощь* (Б. Акунин. Коронация), то можно сделать вывод, что внешние связи у них одинаковы (во-первых, зависимость двух предикативных единиц от общего члена и, во-вторых, синтаксическая связь двух соподчиненных предикативных единиц), а внутренние связи различны. В исходном построении соподчиненные предикативные единицы оформлены как синтаксически равноправные, и даже если между ними прочитывается информация о причинно-следственной зависимости, то эта информация имплицитна и базируется исключительно на контексте, на смысловой связи явлений, отраженных в соподчиненных предикативных частях, она извлекается адресатом, адресант же сознательно не включает эту информацию в свой коммуникативный план. В трансформе внутрирядные отношения носят характер смысловой зависимости, что находит свое формальное выражение в элементе *поэтому*, а соподчиненные предикативные единицы являются синтаксически неравноправными: первая выражает причину, вторая – следствие.

Отношения смысловой зависимости в анализируемых построениях выражаются с помощью специальных единиц. Значение следствия, вывода, результата, мотивировки могут оформляться следующими линейными показателями: *потому, поэтому, посему, оттого, следовательно, как следствие, значит, стало быть, тем самым, таким образом; в результате, в итоге* и др., уступительно-противительное значение выражается при помощи слов: *впрочем, однако, тем не менее, вместе с тем, все-таки* и др., уступительно-компенсаторное значение – с помощью *зато*.

Очевидно то, что эти единицы неоднородны с точки зрения морфологии. Более того, определение морфологического статуса даже одной из них вызывает затруднение. К примеру, слово *зато*, с одной стороны, относят к союзам, с другой стороны, оно попадает в рубрику гибридных, переходных слов. Так, В. В. Виноградов считает, что *зато* подводится «одновременно под категории союзов и наречий» [Виноградов 1972: 553], а Б. И. Осипов называет *зато* «промежуточной категорией между наречием и частицей» [Осипов 2005: 319]. Нередко *зато* вообще отказывают в морфологической квалификации, замещая морфологическую характеристику синтаксической. В таком случае *зато* получает статус аналога союза, скрепы, коннектора. Цель введения в научный обиход этих во многом совпадающих терминов состоит в том, чтобы избежать чистеречной характеристики слова, но в то же время подчеркнуть наличие у него союзных функций: функции выразителя отношений и функции связи. Таким образом, независимо от морфологического статуса лексемы типа *зато* способны выступать в релятивной функции, то есть служат для выражения синтаксических отношений и являются сегментным показателем этих отношений.

Связь, оформляемая такого рода единицами, накладывается на базовую связь, которая в исследуемых построениях формализована сочинительным союзом, позиция которого обязательна, хотя может быть незамещенной. Ср.: *Но мадам Леотар не удовольствовалась таким ответом и заметила ей, что она меня оставляет одну <...>, что я не могу быть такой же веселой и резвой, как Катя, что это, впрочем, и лучше, потому что Катя слишком резва...* (Ф. М. Достоевский. Неточка Незванова). Незамещенной может быть и позиция второго подчинительного средства связи. Например: *И я скучным голосом объясняю, что меня задерживали на работе и поэтому я не могла выехать в Ягодное за "формой А"* (Е. Гинзбург. Крутой маршрут); *Теперь они болтали, коротая время, радуясь тому, что гость не ушел в гостиницу и пробудет с ним здесь до утра и поэтому будет не так скучно...* (Э. Севела. Викинг). Вероятно, в случае незамещенной позиции сочинительного союза позиция второго подчинительного средства связи обязательно должна быть замещена, и, наоборот, в случае незамещенной позиции второго подчинительного средства связи позиция сочинительного союза обязательно должна быть замещена, поскольку минимум одно из этих средств связи необходимо для оформления соподчинения зависимых предикативных единиц.

Итак, в анализируемых построениях присутствуют три типа служебных слов, реализующих союзную функцию: минимум два подчинительных союза/ союзных слова (обычно одноименных), сочинительный союз и линейный показатель вторичной связи. Роль связующих средств в данных построениях различна. Подчинительные союзы/ союзные слова оформляют зависимость членов ряда от общего для них члена, сочинительный союз конструирует ряд, линейный показатель вторичной связи является основным выразителем внутрирядных отношений. Конечно, сочинительный союз тоже участвует в выражении отношений, более того в идеальном варианте конструкции он является единственным средством выражения внутрирядных отношений, здесь же при наличии эксплицитного знака обусловленности эта его функция отступает на второй план. Сочинительный союз выражает максимально абстрактное грамматическое значение (соединение, противопоставление и т.п.), на фоне которого развивается обусловленность. Значение обусловленности можно «нейтрализовать», исключив из построения знак, эксплицирующий его. И в этом смысле показатель вторичной связи действительно вторичен, он организует вторую, дополнительную, линию связи при наличии основной. Поэтому мы склонны видеть в исследуемых построениях частичное наложение двух конструкций:

конструкции *ряд* и конструкции с вторичной связью. Для конструкции *ряд* существенны два принципа, а именно принцип соподчинения и принцип параллелизма, которые совершенно не важны для конструкции с вторичной связью: последняя совершенно индифферентна к наличию общего члена и грамматической независимости членов конструкции друг от друга. В качестве подтверждения данного положения необходимо указать на то, что вторичная связь может «накладываться» не только на сочинительную связь, которая предполагает общий член и параллелизм, но и на подчинительную связь, которая их не предусматривает. Ср.: *На его обычно румянном, а сейчас бледном лице был написан страх, который, однако, не помешал ему обратиться к Синцову по всей форме* (К. Симонов. Живые и мертвые); *Значит, у бойцов Спартака в бою все преимущества, особенно если это бой не «по-римски»...* (А. Валентинов. Спартак).

Если указанное наложение мало что меняет для конструкции с вторичной связью, то для конструкции *ряд* наложение важно, так как включение в эту конструкцию типизированного лексического элемента и его нахождение при одном из компонентов, составляющих ряд, приводит к модификации ряда, которая характеризуется семантическим неравноправием ее параллельных членов. Семантическое неравноправие свидетельствует о разных позициях зависимых предикативных единиц в составе ряда, вследствие чего можно говорить о первом и втором члене ряда, придавая указанию на местоположение грамматический смысл.

Итак, в аспекте синтаксической конструкции многочленное сложноподчиненное предложение с отношениями смысловой зависимости между соподчиненными придаточными частями представляет собою модификацию конструкции *ряд*, возможную благодаря частичному наложению на базовую конструкцию *ряд* конструкции с вторичной связью. Вторичная связь на базе сложного предложения выражается в наличии двуплановых синтаксических отношений, создаваемых взаимодействием разных типов служебных слов. При разнообразии семантических функций линейных показателей вторичной связи, внедряющихся в конструкцию *ряд*, их общая семантическая функция состоит в определении места отмеченного ими компонента в структуре ряда.

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. - М.: ВШ, 1972. - 614 с.
2. Колосова Т. А., Черемисина М. И. О значимости понятий «союзность» и «бессоюзность» в типологии русских сложных предложений // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. - М.: Рус. уч. центр, 2000. - Вып. 1. М-лы науч. конф. - С. 24-32.
3. Осипов Б. И. Краткий курс русского языка: Учеб. пособие. - Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. - 374 с.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.
5. Прияткина А. Ф. Внутривидовые отношения как объект конструктивного синтаксиса // Служебные слова и синтаксические связи: Межвуз. тематич. сб. - Владивосток, 1985. - С. 52-64.
6. Прияткина А. Ф. К изучению союзных связей «вторичного» характера // Современный русский язык: Уч. зап. Дальневосточ. ун-та. - Владивосток, 1970. - С. 37-58.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Сконина Д. С.

Ульяновский государственный университет

Стремление понять поведение представителей других культур существует столько же времени, сколько существует этническое и культурное разнообразие человечества.

А. Я Касюк отмечает: «В культуре существует как бы две стороны: объективная и субъективная. Объективная культура - это всевозможные институты и артефакты культуры, такие, как экономическая система, социальные обычаи, политическая структура и процессы, виды искусства и ремесла. Субъективная культура - это психологические черты культуры, включающие ценности и образцы мышления. Вот эта субъективная культура и представляет собой огромную трудность, сталкиваясь за границей с неясностью и непониманием. Люди пытаются судить по образцам поведения, присущих их культуре» [Касюк 2003: 44].

Т. Б. Лаврова считает, что «судить людей по себе вообще свойственно человеку, в том числе и в рамках своей культуры, поэтому тому, кто занимается проблемами межкультурной коммуникации, следует, прежде всего, в любом общении научиться распознавать и анализировать «свое» и «другое», так как межкультурная коммуникация - это своего рода частный случай любой межличностной коммуникации» [Лаврова 2007: 62].

Возьмем, например, поведение русских и англоязычных коммуникантов в очереди. Русские стоят непосредственно друг за другом, между представителями англо-американской культуры значительное расстояние. Если это очередь в сберкассе или банке, тол расстояние между стоящими еще увеличивается, так как все, связанное с деньгами, имеет особую конфиденциальность, и дышать друг другу в затылок, как это бывает у нас, просто невыносимо.

Несовпадение культур и представлений может оказаться как источником враждебности, так и источником знания или даже взаимной пользы: в процессе межкультурной коммуникации вскрываются явления, на которые до этого внимания не обращалось, так как они расценивались как совершенно банальные. Так, во время празднования юбилея одной из школ отмечалось, что многие учителя проработали в школе 25, 30 или даже 40 лет. Это очень поразило гостей, немцев. Такие «рекорды» невозможны в Германии, так как немцы получают законченное высшее образование где-то к 30-35 годам, работа учителя престижна и хорошо оплачи-